

СЕМАНТИЧНА ТИПОЛОГІЯ (СТАТИЧНА І ДИНАМІЧНА)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАССЛОЕНИЕ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

(к проблеме о семантической общности
некоторых общеславянских слов)

АДАМИЯ З. К.

Университет “Рвали”

Словосочетание “родственные языки” многие лингвисты произносят как само собой разумеющееся. Однако это далеко не такое уж простое понятие. Родство бывает ведь очень близкое, отдаленное, далекое и настолько далекое, что по современному состоянию данных языков и не узнать их родства. Характерной чертой близкородственных языков является то, что в них очень много общих черт – лексических, морфологических, фонетических, синтаксических, интонационных, акцентуальных. Есть черты, которые кое-где сохранились только как рудименты.

Расширение общения в мировом масштабе, о котором говорили, что народы сблизилась друг с другом определенным образом и повлияли на родственные языки в смысле их близости друг к другу. Так, например, за последний век резко увеличилось количество лексических проникновений украинизмов в русский язык и русизмов в украинский. При этом по степени функционирования заимствованных слов это не то заимствование, которое мы встречаем в ранних произведениях Гоголя. Гоголь в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” переводит украинизмы, помогая русскому читателю, а украинизмы в русском языке имеют художественную функцию. Особенно в художественных произведениях такого маститого классика украинской прозы как Олесь Гончар. Его персонажи употребляют украинские слова для усиления художественного впечатления описанного события. А многие слова остались в русском языке как своя лексика, не имеющая синонимов. Например, слово *прапорщик*. *Прапор* в украинском языке означает *знамя*, в русском языке такого слова нет, зато есть *прапорщик*, так называемый младший офицерский чин в русской армии. Украинизмом является и слово “хата”, которое стало синонимом слова “изба”. Разделились функционально русский “враг” и украинский “ворог”, хотя эти слова всего-навсего пара полногласной и неполногласной форм. Ослабла связь между украинизмом “млеко” и русским “млечный путь” и “млекопитающий”. Так, русский ни в какой речевой ситуации не скажет “молочный путь” в этом сложном слове функционирует только одна форма “млечный”. То же самое можно сказать об отдалении друг от друга русского слова “глава” и украинского “голова”.

В данном случае нас интересует родство языков в семантическом аспекте, т. е. семантическое расслоение, раздробление слова, разрушение одной семантики (значения) слова и появления новых значений, которые нередко даже противоречат друг другу и только этимологические “раскопки” устанавливают причины, эпоху и темпы происшедших изменений. В этом отношении славянские языки дают очень богатый материал. Сразу же

оговоримся: семантически расслоенная лексика очень древняя, примерно, с того времени, когда славянские племена жили сравнительно контактно, делились жизненным опытом, пользовались общим наречием и одинаково влияли на слова и языкотворчество, т. е. в общеславянскую эпоху. Семантика слова стала расслаиваться в процессе территориального отдаления друг от друга, что происходило в результате освоения новых земель и пространств. Новые условия жизни и быта приводили к созданию новой лексики, или обновления, расширения или сужения старых значений. Данный процесс сопровождался интенсивными темпами заимствования слов из языков, оказавшимся по соседству со славянским языком. Так, германоязычная *istuba* зазвучала как славянская *изба*, что прочно держится до сих пор в болгарском языке в значении *подвал, погреб*, а в словацком – *комната – номер в гостинице*. *Година* – по-болгарски год, 12 месяцев времени без всякой эмоциональной окраски (*една година*). Это слово сохранилось и в русском языке, но вместе с определяющим его прилагательным *лихая* (*лихая година*) и оба вместе обозначают очень тяжелую пору в жизни народа, общества, например, война, эпидемия. В украинском *година* и отрезок времени (12 месяцев), и время вообще и обобщенное понятие времени, пора. Слово *година* употребляется во многих славянских языках и везде с каким-то семантическим оттенком.

Глубокое уважение к женщине выражают и тем, что *жену* называют *дружина*, хотя надо сказать, что с дружиной – военным отрядом ничего общего не имеет. Это скорее родовой коррелят от слова *друг*. В русском языке это понятие (*жена*) стали выражать словом, которое еще в недавнем прошлом возвышено означало женщину, болгары эту нагрузку возложили, вменили веселому для русских слову *булка*.

Целая группа слов связана общностью первоначальной семантики. Это *город, огород, награда*, т. е. все, что надо было огородить, охранять от набегов. В этом ряду странным кажется – *награда*. Но вспомним, что земельные участки тоже дарили за разные заслуги и легко будет понять, что общего между *награждением* и *огорожением*.

Весьма интересную картину семантического расслоения значения слова дают слова, которые в целом вместе, но с различными смысловыми оттенками фиксируют отрезки времени и, прежде всего слова *час* и *время*. Они употребляются во всех славянских языках, но везде своя окраска. Так русская народная мудрость поучает: “*Делу время, а потехе час*”. Из этой поговорки ясно, что для создателей и носителей этой убежденности бесспорно, что *время* – это большой отрезок времени (что требуется для дела), а *час* – что-то незначительное, краткое по времени. Не совсем ясно, что за отрезок времени мыслится во втором компоненте в слове *сейчас*. В других славянских языках. В украинском – *час – время*, а *время – час, година, пора, доба*, в словацком *час – время*, в болгарском *час*, по-чешски – *година*. А еще говорят, что вечного ничего нет!

Многие славянские языки сохранили древнее слово *око*, при этом значение везде нейтрально, без эмоциональной “надбавки”. Только в русском языке слово *очи* обогащено эмоционально и обозначает не просто глаза, а очень красивые женские глаза. Это хорошо видно из примера А. Фадеева из романа

“Молодая гвардия”. Писатель так описывает лицо Ульяны Громовой: “*Лицо было спокойное, доброе, а глаза были не глаза, а очи*”. В этом противопоставлении: *очи* не просто глаза, а очи. Эти слова не полные синонимы или слова с одинаковым значением, а совершенно разные слова, особенно в эмоциональном плане. Тут же вспомним, что латинский термин *окулист* этимологически тесно связан с корнем *око, очи: окуляры*.

С точки зрения семантики определенный интерес представляет образование на протяжении большого отрезка времени группы слов, которые обозначают населенные пункты. Эти термины резко отличаются друг от друга как по происхождению, так и по звучанию, но по содержанию ничем не отличаются друг от друга. Казалось бы, при таком отсутствии мотивации они должны были исчезнуть из языка, однако, это не произошло. Их бдительно охраняет традиция. Речь идет о таких названиях как: *село, деревня, станица, поселок, хутор* и явно иноязычного происхождения *аул*.

Дело в том, что различные названия породили разные условия возникновения этих населенных пунктов. Где-то лес вырубали, где-то свободные поля осваивали, где-то останавливались, т. е. устраивали “стан” (этимологические “раскопки” позволяют уточнить, что это значит), где-то *оседали* и образовали *село*, где-то *деревья* вырубали и освобождали землю и возникала *деревня*. Происхождение *хутора* неясно, видимо, оно заимствовано из германоязычного мира, *аул* – это деревня кавказских горцев. Были интересные примеры и из грузинского языка: *sachli* (дом) получилась русская *сакля* – жилище кавказского горца. Этот процесс интересен тем, что давно уже ничто не подкрепляет эти термины кроме традиций. Вообще следует сказать, что люди, жители этих населенных пунктов, очень ревниво берегут свои названия. В романе Шолохова “Тихий Дон” хорошо показано, как казаки протестуют, когда какой-то приезжий “иностранец” их населенный пункт называет *деревней*. Налицо то же увлечение семантикой, но налицо не раздробление семантики, а наоборот какое-то объединение. Мы ничего уже не говорим о слове *город*, которое прямо указывает об огороженном месте. Видимо, с огорожением слилось понятие о месте, где собираются люди, обеспечивают охрану этого места и со временем некоторые славянские языки так и стали называть это место – *место* в значении город. Как свидетельствует Владимир Даль в своем знаменитом словаре, в северо-восточных лесных районах России встречается и название *кижи* в значении населенного пункта. Это бесспорно, остаточное явление с тех времен, когда в результате церковного раскола уходили в дремучий лес, чтобы спастись от преследования. Вообще следует сказать, что расслоение семантики слова – это чрезвычайно интересный процесс и стоит и времени и энергии.

Когда говорим о семантическом расслоении слова, не следует забывать, что это сложный и очень длительный процесс и может тянуться веками и слова могут изменяться до неузнаваемости, что обычно бывает в дальнеродственных языках. Если на родственные языки посмотрим с точки зрения социолингвистической, то увидим среди индоевропейских языков (имеются в виду западно-европейские языки) в современном мире у этих языков разные места “под солнцем”.

Наибольшею распространённостью и популярностью пользуется английский язык со своей американской разновидностью. Но знающие люди быстро узнают общность английского “гуд мунинг” и немецкого “гутен морген”. Английский язык влияет на все языки мира в деле создания технической терминологии. Мы видим своеобразное раздвоение процесса: молодёжь, занимающаяся компьютерной техникой, предпочитает брать и использовать английские слова и параллельно лингвистическая интеллигенция старается создать данную терминологию на своём родном языке. И нельзя сказать, что эти старания не приносят результата. Словари составляются, издаются, распространяются, но в практической работе их удельный вес очень и очень невысок. И это везде так. Даже такие очень отдалённые от индоевропейских языков как китайский, японский или корейский ощущают могучее влияние английского языка. И поневоле возникает вопрос, что будет в перспективе? Везде победит английский язык или национальные терминологии займут достойное место в жизни. Процесс создания национальной терминологии осложняется, как не странно, и тем, что во всем мире стало модой проводить научные конференции, симпозиумы, всевозможные встречи и совещания на английском языке.

ТИПОЛОГІЯ ЛАКУН У КОНТЕКСТІ МОВНОЇ СИМЕТРІЇ/АСИМЕТРІЇ

АНОХІНА Т. О.

Київський національний лінгвістичний університет

Однією з нагальних проблем сучасної лінгвістики є проблема розвитку мовної системи, її симетричних та асиметричних проявів, визначення аломорфних та ізоморфних характеристик зіставляваних мов. Словотвір та словозміна достатньо висвітлені в мовознавстві (Е. М. Верещагін, В. Г. Костомаров, О. Б. Мельничук, О. Б. Ткаченко) [3]. Однак статус суперординатної категорії лакуарності в мові та мовленні, онтологія та аспектологія прототипічних лакун, на нашу думку, опрацьовані ще не достатньо. Актуальність розвідки зумовлена необхідністю вивчення цієї проблеми у сучасних лінгвістичних студіях. Вартим аналізу є опис лакуарного гештальту за рахунок виявлення кластеру лакун, що формується на різних рівнях мови та мовлення, як у синхронії, так і в діяхронії.

Саме тому об'єктом статті є опис прототипічної одиниці “лакуна”, а предметом – способи реалізації субординатних підкатегорій суперординатної категорії лакуарності, що позначені такими характеристиками, як системна перебудова, флуктаційні зміни та оказіональні девіації.

Мета розвідки – виявити гештальтні актанти категорії лакуарності, розмежувати кардинальні вектори, мовного та міжмовного планів, виявити прототипічну одиниці “лакуна” для встановлення основи прототипових відношень та прототипічного фону.